

Сьюзен заметила, как лицо Гарри омрачилось, и, не желая ждать его ответа, заговорила: — Думаю, тетя Амелия хотела посмотреть, что Поттеры будут делать дальше, раз уж они вернулись. Она протянула руку и, сжимая его ладонь, сказала: — Даже зная, что они действительно те, за кого себя выдают, она ничего не знает об их истинных причинах, побудивших их скрываться, или вернуться сейчас. — Они оставили его с теми маглами, — проговорил Рон, впервые нарушая молчание. — Нам с Фредом и Джорджем пришлось снимать решетки с окна, чтобы вытащить его тем летом. Сьюзен пожала плечами: — Они утверждают, что это было решение Дамблдора, а они не знали. Она задумалась, глядя в пространство: — Конечно, если предположить, что они вообще попытаются обвинить Дамблдора. — Они могли бы, — сказал Невилл, — если бы думали, что ему это сойдет с рук, а они не могли. Он с отвращением покачал головой: — Любой другой волшебник, который попытался бы затеять заговор в два раза сложнее этого, оказался бы в Азкабана раньше, чем ты успел бы сказать «пуффскай». — И это подводит нас к причине номер два, Гермiona, — продолжила Сьюзен, переходя на голос, который она всю жизнь слышала от своей тети Амелии в зале суда. Когда директору приходилось приводить сложные аргументы или произносить речи перед Визенгамотом, она часто репетировала их перед своей любимой аудиторией — племянницей. Амелия позже подшучивала, что Сьюзен станет талантливым адвокатом, ведь большинство ведьм и волшебников не начинают свое юридическое образование в возрасте пяти лет. Гермiona могла изучать законы, но книги с решениями и прецедентами мало что давали, чтобы показать, почему законы соблюдаются именно так, как они есть. Уроки Невилла, полученные от бабушки, дали ему твердое понимание политики Визенгамота, но мало знаний о законах, которые этот орган стремился исполнять. Сьюзен, чей опекун был одновременно и высшим должностным лицом по охране правопорядка в Волшебной Британии, и регентом Боунс, почти инстинктивно знала, что такое законы, как они соблюдаются, и, что самое важное, почему это так. В этом свете интерпретировать действия директора по отношению к Поттерам или их отсутствие было проще простого. Конечно, помогло то, что она так хорошо знала директора. Сьюзен, казалось, расслабилась, анализируя решение своей тети, хотя ее тон приобрел осторожный нейтралитет зала суда: — Если бы директор Боунс обвинила главного колдуна в преступлениях такого рода, ей нужно было бы убедиться, что она сможет его осудить. Даже при наличии веских доказательств, помимо показаний Поттеров, большая часть членов Визенгамота все равно проголосовала бы за невиновность. Ее доказательства должны быть непревзойденными. Она посмотрела на Гарри, выражение лица которого было нечитаемым: — Что касается Поттеров, то они могут честно сказать, что выполняли указания главного колдуна и действовали во время войны. То, что они были изолированы и лишены связи, означает, что у них не было возможности предотвратить причинение вреда Гарри, что, по их мнению, снимает с них вину. — Значит, им все сойдет с рук, — грустно сказала Гермiona. — О, я вовсе не говорила этого, — ответила Сьюзен. Она подняла руку Гарри, демонстрируя кольцо Лорда. Все в купе знали о его светлости, поэтому кольцо было видно всем — чары срабатывали, только если рядом находился кто-то несведущий. — Как прошла клятва, Гарри? Гарри улыбнулся ей, понимая, к чему она клонит: — Я клянусь своей жизнью и магией посвятить себя Дому Поттеров. Я клянусь защищать Дом и его членов, а также всех, кто окажется под нашей защитой, от любых врагов, как магических, так и мирских. Я клянусь соблюдать законы и обычаи, как подобает нашему древнему роду. Я клянусь поддерживать честь и благородство моего дома. Я клянусь своей палочкой и своим клинком, как лорд древнего и благороднейшего дома Поттеров, чтобы увидеть, как все это будет сделано, или умереть, пытаясь это сделать. Как я говорю, так я и клянусь. Клятва не прозвучала, что удивило нескольких присутствующих, пока они не поняли, что этого и не должно быть — он уже принес клятву и связал себя с магией через кольцо Лорда. Это была всего лишь декламация. Сьюзен хлопнула Гарри по руке и улыбнулась Гермione: — Подумайте о том, что мы знаем о Джеймсе Поттере и его поступках по отношению к Гарри. Гермiona перевела взгляд со Сьюзен на Гарри, а затем посмотрела на Невилла: — Я не понимаю. Глаза Невилла расширились, когда до него

дошел смысл сказанного: — Поттеры — старинная семья, Гермиона. Каждая строчка этой клятвы может быть дана сама по себе, и ты все равно будешь связана с ней. Вот почему она написана так, как написана, понимаешь? Это не одна клятва, а несколько. И каждая из них связана вместе в обязательное обязательство, касающееся жизни и магии лорда Поттера. Если Гарри неосознанно нарушит одну из этих клятв — например, нападет на кого-то, о ком он не знал, что он Поттер, — его магия даст ему знать. Возможно, болезненно. — А осознанно? — спросила Джинни. Она знала ответ, но ей нужно было, чтобы Гермиона тоже поняла. Голос Невилла был серьезен: — Если Гарри сознательно пойдет против своей клятвы, он может умереть. Семейная магия может буквально вырвать из него жизнь или магию. Он посмотрел на Гермиону: — Бросив Гарри все эти годы назад, Джеймс Поттер нарушил все пункты этой клятвы. Гермиона выглядела ошеломленной. Затем снова озадаченно посмотрела на него: — Но ведь он не нарушил? Не обращая внимания на взгляды остальных, она продолжила говорить: — У него все еще есть магия, и он, очевидно, все еще жив, так почему же клятва не сработала? — Потому что он был мертв, — прозвучал тихий, но властный голос Гарри, приковывая к себе внимание всех присутствующих. — Я не знаю, что, черт возьми, творилось в голове у Джеймса Поттера, когда он решил оставить меня у Дурслей, — сказал Гарри. — Если бы я скрывался, думая, что о моем сыне заботятся, и узнал, что это не так, я бы бросил все силы, чтобы спасти их. Если бы я оставил своего сына на попечение кого-то, кому я доверял, я бы потребовал подробностей того, как за ним ухаживали, как он жил, процветал и рос. Он вздохнул: — Поттеры даже не подозревали, что я вырос у Дурслей до нашей встречи два дня назад. Они решили, что меня вырастила семья волшебников, что, наверное, логично, но они даже не потрудились выяснить, у кого именно родился их сын. — Вы, значит? О, Мерлин! — Взгляд Рона, полный ужаса, разделили остальные члены группы. — Да, — с горечью ответил Гарри. — Я был настолько важен для них, что они понятия не имели, где я. — Дамблдору даже не пришлось придумывать для них правдоподобную ложь, — проговорил Гарри, качая головой, изо всех сил сдерживая гнев. Рука Сьюзен, лежащая на его плече, была словно якорем, удерживающим его от бушующей бури эмоций. — Насколько я понимаю, единственная причина, по которой семейная магия еще не вырвала магию из Джеймса Поттера, заключается в том, что он был "мертв", когда совершалось злодеяние. — А теперь, когда он жив? — почти шепотом спросила Гермиона, в ее голосе слышалась тревога. — Теперь, когда он жив, его может призвать на суд лорд Поттер, — ответил Гарри, сжимая руку Сьюзен. Он наклонился вперед, глядя Гермионе в глаза, и в его тоне, который до этого был полон гнева, теперь зазвучала ледяная сталь. От его слов у Гермионы по спине пробежал леденящий холодок — в нем было столько ярости, сколько она никогда не слышала от своего друга. — Если и когда это произойдет, я подозреваю, что Джеймса Поттера найдут... нужным.